

«ЗА ЛЕС, ЗА ВОДУ, ЗА НАШУ ПРИРОДУ!»: СЦЕНАРИИ И ОСОБЕННОСТИ (ДЕ)ПОЛИТИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Светлана Тулаева, Екатерина Семушкина

Светлана Тулаева, лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Северо-западный институт управления Российская Академия государственной службы и народного хозяйства, Россия. tulaeva-sa@ranepa.ru.

Семушкина Екатерина, лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия. esemushkina@hse.ru.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00661 «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения».

Статья посвящена наиболее распространенным сценариям (не)включения жителей российских регионов в политические действия в процессе решения экологических проблем. Первый сценарий представляет собой политизацию экологической повестки через столкновение граждан со значимой для них экологической проблемой, которую они пытаются решить. Как правило, эта проблема имеет локальный характер и социально окрашена. Вторым сценарием является экологизация политической повестки, то есть выход политического недовольства через сферу экологии. Обычно такой сценарий возможен в уже политизированном сообществе или в ситуации, когда прямой политический протест невозможен. Третий сценарий представляет собой деполитизацию экологической повестки, связанную со стигматизацией политического действия и дистанцированием от политики. Наконец, четвертый сценарий можно назвать квазиполитизацией, поскольку он связан с использованием экологической повестки политическими акторами для решения определенных политических задач. На основе особенностей политизации экоактивистов авторы выделили несколько основных типов низового экоактивизма, существующих в российских регионах: патриотический, прагматический, гражданский экоактивизмы и экологическое волонтерство. Отдельное внимание в работе уделяется факторам (де)политизации экоактивистов в российских регионах. Исследование выполнено на основе качественной методологии в 2023–2024 годах в трех российских регионах: Красно-

ярском крае, Забайкальском крае и Свердловской области. Основными методами исследования были полуструктурированные интервью и фокус-группы.

Ключевые слова: экологическая мобилизация; политизация экологической повестки; российские регионы; эоактивизм

ВВЕДЕНИЕ

Экологический активизм всегда позиционировался в российском обществе как далекая от политики сфера, чем снискал лояльное отношение властей и позитивное восприятие граждан, зачастую рассматривающих политику как нечто грязное и недостойное (Ткачева и др. 2024; Халий 2008; Яницкий 2009; Henry 2010). В то же время именно экологическая проблематика, связанная с решением осязаемых и понятных для населения проблем (нелегальные свалки, загрязненный воздух, лесные пожары и пр.), обычно требует решения определенных политических задач, что способствует обращению обывателей к политическим действиям. В название статьи помещен один из часто встречающихся лозунгов российских эоактивистов, который используется для мобилизации жителей для участия в различных экологических акциях. Включение граждан в публичные дискуссии с властью, опротестование решений властей, формирование альтернативной повестки обуславливают процессы политизации общества (Арендт [1958] 2017; Шмитт [1932] 2011). Соответственно, все действия, связанные с оспариванием политики властей, рассматриваются как политические. Примерами политизации экологической повестки могут быть митинги, петиции, сходы, участники которых требуют от властей отмены или изменения решений в отношении окружающей среды. Противоположным процессом является деполитизация экологической повестки, предполагающая дистанцирование от политического участия и стигматизацию политического действия в ходе решения экологических проблем (Журавлев 2015). В таких случаях эоактивисты фокусируются на экологических мероприятиях, не предполагающих влияния на власти. Примерами могут быть экологические субботники, акции по раздельному сбору мусора или занятия для школьников по экологической проблематике, являющиеся основой эоколонтерства.

Политизация экологической повестки в российском обществе сопряжена с несколькими парадоксами. Исследователи показывают, что в одних случаях экологические проблемы срабатывают как спусковой крючок для вовлечения граждан в сферу политического, а в других используются гражданами как защитный механизм от участия в политике (Яницкий 2009; Henry 2010). Можно было бы предположить, что степень политизации экологической повестки зависит от таких объективных факторов, как степень загрязненности окружающей среды и уровень угрозы здоровью населения. Однако исследования показывают, что это не так. Обсуждение и оспаривание гражданами действий властей в сфере экологии не всегда связано со степенью серьезности экологических проблем и может определяться большим количеством разнообразных факторов. Так, регионы со схожим уровнем загрязнения демонстрируют разную интенсивность экологических протестов (Семенов и др. 2024). Многие экологические протесты в российских реги-

онах достаточно часто оказываются фреймированы через прогосударственную риторику (Туровец 2015; Kuzmina 2023). Кроме того, многие экоактивисты, декларируя на словах аполитичность, на практике прибегают к действиям, которые по своей сути являются политическими, что демонстрирует сложные взаимосвязи между процессами политизации и деполитизации в российском обществе (Erpyleva and Luhtakallio 2024). Наконец, само государство также активно пытается использовать экологическую проблематику для кооптации активистов и увеличения уровня лояльности населения по отношению к власти в российских регионах (Martus 2021). Все это влияет на особенности осмысления экологических проблем в российском обществе. В данной работе мы хотим ответить на следующие вопросы: почему происходит (де)политизация экологической повестки в российских регионах; каковы ее сценарии; как эти сценарии определяют особенности экологической мобилизации в российских регионах?

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Коллективные действия граждан, направленные на защиту окружающей среды, в академической литературе называют экологической мобилизацией (Семенов и др. 2024; Mitchell et al. 2014; Wooden 2013). При этом экологическая мобилизация может принимать разные формы и включать как регулярные, так и нерегулярные коллективные действия. Репертуар коллективных действий по защите окружающей среды может включать подписание петиций и обращения в органы власти, участие в коллективных экологических акциях и проектах (уборка или озеленение определенной территории, сортировка и переработка мусора и т. п.), а также участие в протестных акциях. Экоактивизм подразумевает регулярные коллективные действия, направленные на сохранение окружающей среды (Усачева 2011). Под экоактивистами мы понимаем граждан, на регулярной основе участвующих в экологически ориентированных акциях, проектах, движениях. В отличие от коллективных действий, индивидуальные экологически ориентированные практики граждан обычно называют термином «проэкологическое поведение». Примерами могут служить индивидуальные практики граждан по раздельному сбору мусора, отказу от использования пластиковых пакетов или автотранспорта и др. При этом важно, чтобы эти действия были вызваны не прагматичными мотивами (например желанием сэкономить), а сознательным выбором в пользу защиты окружающей среды (Dunlap and Mertig [1992] 2014).

Экологическая мобилизация граждан сопряжена с процессами (де)политизации в обществе, которые влияют на ее интенсивность и формы, а также репертуар действий (Tilly and Tarrow 2015; Wooden 2013). Один из наиболее известных исследователей американского экологического движения Роберт Данлэп напрямую связывает политические аспекты гражданской мобилизации с распространенными формами экоактивизма (Dunlap and Mertig [1992] 2014). Под политизацией понимается способность граждан к оспариванию решений властей через определенные коллективные действия и стремление к достижению общезначимого бла-

га. Политизация предполагает наличие некоего конфликта между гражданами и властью, а также готовность граждан предлагать и продвигать альтернативные сценарии решения существующих проблем (Арендт [1958] 2017; Шмитт [1932] 2011). Маркерами политизации выступают коллективные действия граждан, организованные с целью повлиять на решения властей. Таким образом, нацеленное на оспаривание государственных решений в сфере экологии проведение митингов и сходов, подписание петиций отражает процессы политизации экологической повестки. Зачастую политизация экоповестки может быть вызвана личным опытом столкновения жителей с какой-либо значимой для них локальной проблемой или случаем проявления социальной несправедливости в отношении неравномерного распределения природных ресурсов. Такой сценарий характерен для аполитичного общества, где люди способны на коллективное действие только в ответ на появление проблем, непосредственно затрагивающих их повседневную жизнь и угрожающих личному благополучию. Исследователи показывают, как, вовлекаясь в протестную деятельность из-за личных интересов, многие жители постепенно превращаются в политически активных граждан. Люди, мобилизованные «поломками» в приватной сфере, приобретают навыки гражданского активизма и включаются в политические действия (Гладарев 2011). В этом смысле защита окружающей среды, связанная с решением конкретных экологических проблем, содержит в себе большой потенциал для включения жителей в гражданский активизм с его последующей политизацией.

В условиях сильного государственного контроля над обществом экологические протесты могут позволить гражданам выразить свое недовольство текущим политическим курсом (Tilly and Tarrow 2015). Это объясняется тем, что власть зачастую не рассматривает экологические протесты как политический вызов. Так, в советское время экология была сферой, где в первую очередь мог развиваться гражданский активизм, потому что советской власти она представлялась наименее опасной и политизированной (Yanitsky 2012). В такой ситуации неполитический по своим требованиям протест (то есть протест, не содержащий требований смены власти) становится каналом для демонстрации недовольства властью (Tilly and Tarrow 2015). Примерами могут служить экологические протесты в республиках Советского Союза в 1980-х годах. Такие протесты имплицитно содержали требование большей политической автономии (Dawson 1996; Doose 2019).

В некоторых случаях сильный государственный контроль ведет к распространению среди активистов аполитичного поведения. Исследования гражданского общества и низовой политики в ситуации жесткого государственного контроля показывают, что активисты, которые не критикуют открыто решения властей, меньше сталкиваются с репрессиями и имеют больше возможностей для развития своих инициатив (Gaynor 2011; Louis and Maertens 2021). Зачастую активисты стремятся дистанцироваться от политики не только для того, чтобы избежать репрессий со стороны власти, но и потому, что они разделяют распространенные в данном обществе нормы и представления о бесполезности политического действия (Журавлев 2015; Erpyleva and Luhtakallio 2024). Некоторые исследования показывают, что многие волонтеры сознательно дистанцировались от политики. Они

настаивали на том, что занимаются решением местных социальных или экологических проблем, не затрагивая политических вопросов (Журавлев и др. 2014; Gaynor 2011). Таким образом, они декларировали свой отказ пытаться влиять на решения власти и стремиться к каким-то институциональным изменениям. Деполитизация гражданского активизма в таком случае была связана с определенной социокультурной работой по производству смысловых значений, приписываемых понятию политического. Эту работу пришлось проделать активистам для обоснования своего ухода от политики (Eliasoph 1997). В то же время участие граждан в решении определенных местных социальных и экологических проблем заставляло их переосмысливать свои отношения с властью и, таким образом, формировать новые представления о гражданском активизме (Bennett et al. 2013; Mohan and Stokke 2008). Иначе говоря, активисты, даже не стремясь к воздействию на власть, все равно меняли представления своих сограждан о роли жителей в процессе принятия решений, затрагивающих их среду обитания. Карин Клеман и Анна Желнина назвали это прагматической политикой, предполагающей совершение политических действий для решения местных задач (Clément and Zhelnina 2020).

Исследуя аполитичность россиян, Олег Журавлев демонстрирует, что она была вызвана социокультурными представлениями о «грязной и плохой политике», в соответствии с которыми участие в политических действиях ассоциировалось у населения с борьбой за власть, а не со стремлением к институциональным изменениям. Анализируя политические протесты в России в 2010–2011 годах, исследователь показывает, что для российских граждан было характерно противопоставление реальных дел «плохой политике» (Zhuravlev et al. 2020). Еще в большей степени дистанцирование от политики характерно для защиты окружающей среды. Светлана Ерпылева на примере российских климатических активистов анализирует, как гражданские общественные движения избегают политики даже в тех ситуациях, когда неизбежно приходится иметь дело с политикой. Провозглашаемый многими активистами уход от политики формирует некоторый парадокс: с одной стороны, активисты стремятся избегать политики, а с другой – обозначенные ими цели предполагают участие в политических действиях и требуют использования политических инструментов. В таком случае заявляющие об аполитичности активисты могут заниматься политикой в ограниченных формах. Это позволяет преодолеть негативные представления о политическом участии, сформировать позитивный опыт коллективных действий и укрепить веру в возможности поменять что-то своими силами (Erpyleva and Luhtakallio 2024). Таким образом, даже в ситуации декларируемой аполитичности можно наблюдать сложные процессы, связанные с обращением к политическим действиям и решением ограниченного круга политических задач.

Кроме того, возможна и искусственная политизация экологической повестки «сверху» (квазиполитизация), когда политические акторы обращаются к защите окружающей среды для решения определенных политических задач (Щербак и др. 2024). Это сопровождается символическими действиями властей в сфере охраны окружающей среды, направленными на продвижение определенных способов интерпретации существующих экологических проблем и позволяющими про-

демонстрировать их значимость для государства. При этом такие символические действия не предполагают реальных мер по решению экологических вопросов, но могут продуцировать патриотические чувства граждан по отношению к родной природе. Примерами таких символических действий могут служить акции по высадке «садов памяти» в честь каких-то исторических событий или эколого-патриотические акции по уборке природных территорий. В такой ситуации окружающая среда начинает рассматриваться как политический феномен, связанный с национальной идентичностью и строительством сильного национального государства. Власти пытаются представить природу как национальный феномен, фокусируясь на таких аспектах, как защита родной природы, сохранение национальных природных ресурсов и территорий (Graybill 2020). Как реакция на действия властей по политизации природы в обществе начинает развиваться «патриотический эоактивизм», ориентированный на защиту родной земли (Henry 2010). Эоактивисты начинают использовать риторику патриотического эоактивизма для демонстрации своей лояльности к власти и решения своих локальных задач (Туровец 2015).

В некоторых случаях такой низовой эоактивизм, ориентированный на решение локальных задач и демонстрирующий аполитичность или лояльность власти, может постепенно заменять профессиональные общественные экологические организации, пытающиеся воздействовать на государственную экологическую политику (Henry 2010). Таким образом, речь идет скорее о квазиполитизации, поскольку подобный процесс нацелен на встраивание эоактивистов в государственную систему и не предполагает дискуссии между государством и обществом для решения экологических вопросов. Однако такая искусственная политизация, вероятно, может привести к непреднамеренным последствиям по включению граждан в политику: стимулом здесь может стать разочарование в продвигаемых государством идеях и представлениях. Журавлев приводит подобные примеры из советского опыта и относит протесты, вызванные крушением базовых представлений граждан, к «политической метафизике» (Zhuravlev et al. 2020). Таким образом, процессы политизации экологической повестки могут быть вызваны разными обстоятельствами и иметь разные сценарии.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование было выполнено с использованием качественной методологии. Основу работы составляет анализ случаев низового эоактивизма в трех российских регионах: Свердловской области, Красноярском и Забайкальском краях. Названные регионы входят в десятку наиболее загрязненных в России. В экологическом рейтинге российских регионов за 2024 год Забайкальский край занимает последнее (83-е) место; Свердловская область – 82-е место; Красноярский край – 78-е место¹. В то же время уровень и особенности экологической мобилизации в

¹ «Национальный экологический рейтинг» регионов РФ по итогам осени 2023 года», Зеленый патруль, 27 декабря 2023 г., <https://greenpatrol.ru/tpost/iogd2bo4o1-natsionalnii-ekologicheskii-reiting-regi>.

этих регионах различны. Так, исследования показывают, что в период с 2012 по 2022 год Свердловская область демонстрировала высокий уровень экологических протестов, в то время как для Красноярского и Забайкальского краев был характерен средний уровень экопротестов (Семенов и др. 2024). Наличие сходств и отличий позволило выявить и реконструировать различные сценарии и особенности (де)политизации экологической повестки в российских регионах. Анализ каждого из случаев включал обзор экологической обстановки; описание основных форм экологической мобилизации; анализ взаимодействия экологов с политическими акторами; анализ стратегий мобилизации населения для участия в экологических мероприятиях; особенности экологической мобилизации в регионе; анализ факторов, способствовавших и препятствовавших экологической мобилизации.

Основными методами исследования были полуструктурированные интервью с участниками экологических организаций и инициатив, фокус-группы с населением, анализ документов. Всего было собрано 17 интервью с экологами в Красноярском крае, 15 интервью – в Свердловской области, 17 интервью – в Забайкальском крае. Основные материалы были собраны в региональных центрах (Красноярске, Екатеринбурге, Чите) и касались прежде всего экологического активизма в городах. Часть материалов была собрана в сельской местности и связана с обсуждением текущих экологических конфликтов там. Гайд интервью содержал следующие блоки: условия возникновения и развития экологических инициатив и проектов; стратегии взаимодействия экологов с государственными властями, а также с общественными инициативами и организациями; мотивы включения в экологические движения их участников; доступные для активистов ресурсы.

Также было проведено по четыре фокус-группы в каждом городе: по две фокус-группы с участниками экологических инициатив и проектов и по две – с местными жителями, не являющимися экологами. Сценарий предполагал обсуждение следующих тем: особенности регионального контекста; наиболее значимые экологические проблемы в регионе; наиболее известные экологические движения и инициативы в регионе; мотивы (не)включения населения в эти инициативы; атрибуция ответственности за экологические проблемы в регионе. Участникам фокус-групп предлагалось также обсудить различные лозунги и плакаты, которые использовались в протестных экологических акциях в различных российских регионах. Плакаты и лозунги были подобраны таким образом, что отражали глобальную и локальную экологическую повестку, демонстрировали разную степень политизированности участников (от нейтральных в политическом отношении плакатов до требований отставки представителей власти) и предлагали разные пути фреймирования экологической проблемы (через обращение к социально значимым проблемам и проблемам, связанным с социальной несправедливостью, к истории и традициям региона, глобальным экологическим проблемам). Полученные данные были транскрибированы и проанализированы методом тематического и осевого кодирования, в ходе которого были выделены следующие ключевые категории: особенности экологической мобилизации населения; мотивы

вы включения населения в экологические акции; стратегии взаимодействия экологов с властями; факторы политизации экологов. Также была проведена триангуляция собранных материалов на основе сопоставления сведений, полученных в ходе интервью и фокус-групп с материалами государственных отчетов и публикациями в региональных СМИ. Собранные данные позволили реконструировать основные сценарии и условия (де)политизации экологической повестки.

ОПИСАНИЕ КЕЙСОВ

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

Наиболее серьезными экологическими проблемами в Красноярском крае являются загрязнение воздуха, почв, водных источников, вызванное промышленным освоением природных территорий и работой предприятий². Краевой центр Красноярск является одним из наиболее загрязненных городов России и занимает 15-е место в рейтинге российских городов по уровню выбросов в атмосферу загрязняющих веществ³. Одной из наиболее важных экологических проблем здесь является высокий уровень загрязнения воздуха, в народе это именуется «черным небом». В городе работает несколько важных промышленных предприятий, крупнейшим из которых является «Русал». Ситуация усугубляется особенностями природного ландшафта: незамерзающий зимой Енисей и расположение города в котловине усиливают негативные эффекты от выбросов. Кроме того, в городе сохраняется большой частный сектор, дома здесь отапливают углем – наиболее дешевым топливом, и это тоже является дополнительным негативным фактором.

Несмотря на то, что уровень загрязнения воздуха в Красноярске остается высоким уже несколько десятилетий, всплеск внимания населения к экологической тематике произошел лишь несколько лет назад. В 2011 году в городе прошли крупные экологические протесты против строительства ферросплавного завода, которые заставили власти отказаться от проекта. Наиболее интенсивно экологическая тематика стала обсуждаться жителями в 2015–2017 годы. В это время в городе появились активные граждане, которые смогли организовать альтернативную общественную систему мониторинга состояния воздуха и привлечь к этой проблеме внимание остальных⁴. В 2017 году прошли митинги против «черного неба». Они заставили федеральный центр обратить внимание на экологическую обстановку в

² Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае в 2023 году, Министерство экологии Красноярского края, 2024 г., http://mpr.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/28086_2024.06.28.pdf.

³ Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, 2023 г., https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022_/?ysclid=maxoodd0ur31841986.

⁴ Чистое небо, Общественная система мониторинга г. Красноярска, просмотрено 15 апреля 2025 г., <https://nebo.live/ru/krs>.

Красноярске. Однако кардинальным образом изменить ситуацию с загрязнением воздуха в краткосрочной перспективе в Красноярске вряд ли возможно.

Материалы фокус-групп продемонстрировали, что «черное небо» является одной из ключевых проблем, вокруг которой выстраивается обсуждение жизни города. Кроме того, в городе существуют и другие экологические проблемы: сортировка и вывоз мусора, вырубка деревьев, строительство промышленных производств. Одновременно с этим в городе появляется большое количество низовых экологических инициатив, связанных с организацией раздельного сбора мусора, переработкой пластика, озеленением территорий. Примерами таких инициатив являются проекты и движения «Раздельный сбор», «Драгоценный пластик», «Город из пакета», «Свалка», «Зеленый кошелек», «Посчитай меня», «Городские дри-ады» и др. Как показали данные интервью, основными стратегиями эоактивистов являются написание обращений в органы власти, проведение волонтерских акций и обучающих мероприятий для населения, организация общественного экологического мониторинга. Митинги в настоящее время не рассматриваются как эффективный инструмент давления на власть. Одной из основных стратегий эоактивистов является дистанцирование от политики, что подразумевает отказ от обсуждения государственной политики в сфере защиты окружающей среды и фокус на волонтерских экологических проектах. Однако часть информантов говорили о возможности «изменения системы изнутри», через встраивание в государственные структуры и работу общественных советов.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Свердловская область является регионом, где активно развивается добывающая и перерабатывающая промышленность, что рождает большое количество экологических проблем. Наиболее важными из них являются выбросы вредных веществ в атмосферу, загрязнение почв, лесные пожары⁵. Один из наиболее загрязненных городов области – Нижний Тагил, который занимает 12-е место в рейтинге российских городов по количеству выбросов вредных веществ в атмосферу. Екатеринбург, являющийся областной столицей, более благополучен в экологическом плане, чем Красноярск и Чита⁶. Основные проблемы, которые беспокоят жителей Екатеринбурга, связаны с нелегальными свалками, вырубкой зеленых зон, лесными пожарами, благоустройством городской территории.

Екатеринбург представляет собой случай экологизации политической повестки, когда в ситуации достаточно сильно политизированной среды недовольство граждан решениями властей выражается во всех доступных для этого сферах.

⁵ Министерство природных ресурсов и экологии Свердловской области, *Государственный доклад о состоянии окружающей среды в Свердловской области в 2023 году*, 2024 г., https://mprso.midural.ru/upload/uf/fe2/tqbgk6v06nbp4zd04g2l0gu4d24mp4pk/Gosudarstvennyy_doklad_2023.pdf.

⁶ *Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году*, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, 2023 г., https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022_/?ysclid=maxoodd0ur31841986.

Екатеринбург традиционно характеризовался достаточно высоким уровнем протестного голосования и наличием площадок для публичного обсуждения политических вопросов (Белоусов и Давыдов 2023). Всплеск экологической мобилизации жителей города произошел в 2017–2019 годах и был связан с попытками застройки скверов города. Наиболее крупные протесты жителей были связаны с попытками властей построить храм Святой Екатерины в акватории Городского пруда в 2017 году, а затем в сквере на Октябрьской площади в 2019 году. Это решение вызвало недовольство местных жителей не только с точки зрения беспокойства о зеленых насаждениях. Эти протесты продемонстрировали общее недовольство горожан политикой городских властей и их невниманием к актуальным для жителей вопросам. Выступления против строительства храма в зеленых зонах города способствовали формированию репутации города как «города бесов», к этому своего рода бренду горожане любят апеллировать, гордятся им (по материалам фокус-групп в Екатеринбурге в 2024 году). Другими заметными акциями в Екатеринбурге являлась успешная кампания по защите озера Шарташ от застройки в 2022 году и защита парка в честь 50-летия ВЛКСМ от застройки в 2024 году (кампания продолжается в настоящее время).

Помимо протестной экологической мобилизации в городе активно развиваются независимые волонтерские проекты, нацеленные на решение местных экологических проблем и продвижение экологически ориентированных практик. Примерами таких инициатив являются «ЧистоУрал», «Экодозор», «Сад Нурова», «Добровольцы быстрого реагирования», «Мирные жители», «Хранители троп» и др. Большинство подобных проектов возникло в 2019–2020 годах после кампании по защите скверов в Екатеринбурге. Отчасти причиной стало объединение горожан вокруг экологической тематики. Это дало возможность наиболее активным гражданам познакомиться друг с другом и сформировать определенное сообщество единомышленников. Основными инструментами экологической мобилизации населения для таких инициатив являются проведение акций по уборке и благоустройству природных территорий, организация раздельного сбора мусора, общественный экологический мониторинг, участие населения в тушении лесных пожаров, экотуризм и пр.

В 2022 году возник очаг экологической мобилизации в Сысертском районе, рядом с Екатеринбургом. Он был связан с планами строительства мусорного полигона около Сысерти – города, являющегося административным центром одноименного района. Также недовольство жителей вызвал проект по строительству в Сысерти, на Горе Бессонова, спа-комплекса. Опасность появления мусорного полигона рядом с местом проживания заставила местных жителей мобилизоваться для противостояния этому проекту. Основным инструментом стали обращения в органы власти, начиная от местных и заканчивая федеральным центром. В социальных сетях были созданы группы, которые объединили неравнодушных жителей. Делались попытки инициировать гражданский референдум по данной проблеме, однако власти отклонили идею его проведения. В настоящее время решение по этой проблеме еще не принято.

В целом этот кейс характеризуется наиболее широким обращением к протестным формам взаимодействия с властью по сравнению с другими рассматриваемыми случаями. Это подтверждают как данные других исследователей (Семенов и др. 2024), так и наши полевые материалы 2024 года. Так, в ходе фокус-групп жители Екатеринбурга высказывались о протестах как о возможном инструменте решения проблемы и демонстрировали гордость за то, что смогли отстоять скверы в центре города. Усиление государственного контроля над общественным активизмом в последние несколько лет привело к трансформации форм взаимодействия с властью и поиску альтернативного репертуара коллективных действий: митинги сменились одиночными пикетами, «прогулками», проведением совместных конференций или круглых столов с представителями властей, организацией встреч и сходов населения в закрытых помещениях и пр.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ

На территории Забайкальского края активно ведется добыча угля, золота, железных руд, что негативно сказывается на состоянии окружающей среды. Наиболее значимыми экологическими проблемами в крае являются загрязнение воздуха, вырубка лесов, загрязнение рек, повышенный радиационный фон⁷. Столица Забайкальского края Чита – один из наиболее загрязненных российских городов. Основные экологические проблемы здесь связаны с высоким уровнем загрязнения воздуха⁸. Как и Красноярск, город находится в низине, здесь тоже есть большой частный сектор, который отапливается углем, что усиливает проблему выбросов вредных веществ в атмосферу. Другие экологические проблемы города – некачественная уборка и вывоз мусора, недостаточное озеленение территорий и неудовлетворительное состояние существующих зеленых насаждений, загрязнение водных источников и старые очистные сооружения, нуждающиеся в модернизации.

Примерами экологических инициатив и организаций, существующих в Чите, являются объединение «Реконструкция парка СибВО», студенческий волонтерский отряд «Эдельвейс», «Зоозащита», отделение Общероссийского Народного фронта и объединение «Гражданская солидарность», занимающиеся в том числе экологическими проблемами. Большинство экологических инициатив в городе курируются государственными организациями. Основными формами экологической мобилизации здесь являются субботники по уборке придомовых и общественных территорий, благоустройство и озеленение территорий. Особое внимание уделяется эколого-патриотическому воспитанию молодежи через эколого-патриотические акции. Как показало полевое исследование, независимых экологиче-

⁷ Доклад об экологической ситуации в Забайкальском крае в 2023 году, Министерство природных ресурсов Забайкальского края, 2024 г., <https://minprir.75.ru/deyatel-nost/ohrana-okruzhayushchey-sredy/ekologicheskaya-situaciya-v-zabaykal-skom-krae?ysclid=maxoq9792e347700958>.

⁸ Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, 2023 г., https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane-okruzhayushchey-sredy-rossiyskoy-federatsii_v_2022_/?ysclid=maxoood0ur31841986.

ских инициатив и проектов в городе немного и, как правило, они недолговечны. За последние несколько лет закрылись такие общественные экологические инициативы, как «Добровольные пожарные Забайкалья», «Спасем Кенон вместе», «Эко-бомба», «Забайкалье, дыши».

Одними из наиболее конфликтных точек в крае являются город Балей и село Красный Чикой. В первом случае промышленная добыча золота и строительство домов из радиоактивных материалов привели к значительному повышению уровня радиации (Карл 2023). При этом местные жители не могут добиться решения этой проблемы уже много лет⁹. Во втором случае причиной конфликта стала планируемая разработка угольного месторождения рядом с поселком. Основными формами воздействия на власть в данных случаях были обращения в органы власти.

Таким образом, перечисленные кейсы демонстрируют различные формы экологической мобилизации и связанные с ней процессы (де)политизации.

СЦЕНАРИИ (ДЕ)ПОЛИТИЗАЦИИ

На основе рассмотренных кейсов мы выделили несколько сценариев (де)политизации экологической повестки.

«Я борюсь за свое». Первый сценарий представляет собой пример политизации экоповестки через столкновение граждан с социальной несправедливостью. Это наиболее часто встречающийся сценарий политизации в аполитичном обществе, каковым считается российское (Журавлев и др. 2014). Природные объекты социально значимы прежде всего для местных жителей. Они являются любимыми местами отдыха, связаны с такими традиционными занятиями, как охота, рыболовство, сбор дикоросов. Эти занятия поддерживают материальное благополучие местных жителей. В ходе экологических протестов чаще всего выдвигаются требования, связанные с осязаемыми, ощутимыми для жителей проблемами (загрязненный воздух, вырубка лесов, мусорные полигоны). Промышленное освоение природных территорий воспринимается, прежде всего, как социальный ущерб сообществу (Тулаева и Немировская 2024). Элементы такого сценария мы видим во всех трех регионах. Протесты и инициативы по общественному мониторингу «черного неба» в Красноярске (2015–2017 годы), недовольство местных жителей разработкой угольного месторождения и негативными последствиями золотодобычи в Забайкалье (2020–2024 годы), выступления против строительства мусорного полигона в Свердловской области (2023–2024 годы) были связаны прежде всего со стремлением поддержания благоприятной экологической обстановки для себя и своих детей, а также желанием избежать материальных проблем, вызванных негативными изменениями окружающей среды:

⁹ Артем Стромилов, «Прокуратура начала проверку из-за повышенного содержания радиоактивного радона в водозаборе Балей», *Чита.ру*, 17 июня 2022 г., <http://www.chita.ru/text/society/2022/06/17/71417819>.

То есть я борюсь за свое. И каждый, кому безразлично, говорит: «Ну, куда мы уедем? У нас полкладбища родных. Ну, куда мы бросим, уедем?» У других на материнский капитал куплено, ипотека там и прочее. И вот такая безысходность именно от этой ситуации (Информант 1, Сысертский район, 13 февраля 2024 г.).

В некоторых случаях жители включались в защиту территорий, где они не проживают в настоящее время, но где родились и выросли, объясняя это своей эмоциональной привязанностью к месту. Обеспокоенность экологическими проблемами на низовом уровне тесно связана с представлениями о несправедливом распределении природных ресурсов между местными жителями и компаниями. Так, в случае конфликта из-за строительства мусорного полигона в Сысертском районе Свердловской области местные жители обвиняли владельцев бизнеса по мусоропереработке в том, что они хотят еще больше нажиться за их счет: «Им с шестого этажа лондонской виллы виднее, где нагадить в Сысерти»; «Нас захватили, мы – колония?!»¹⁰. Жители, столкнувшись с какой-то значимой для них локальной проблемой, стремятся ее решить. Во всех случаях активисты пытались действовать через предоставленные государством механизмы разрешения конфликтов: жалобы, обращения, в некоторых случаях – участие в выборах. Однако, столкнувшись с неработающими государственными механизмами управления, эоактивисты разочаровывались в системе, что способствовало их дальнейшей политизации.

То есть вот народ не слышит никто. Ну, я не знаю, катастрофа какая-то. Я с таким никогда не сталкивалась. Но вот сейчас я пенсионер МВД, и я работала в государственной машине. А вот за рамки, когда вышла на пенсию, я не думала, что настолько катастрофически все дело обстоит именно с тем, как мнение людей учитывается (Информант 1, Сысертский район, 13 февраля 2024 г.).

Ну и народ, люди, начинают переживать тогда, когда к ним подходит. Вот рядом лес начинают вокруг вырубать [. . .]. То есть мы для этого и выбираем власть, чтобы она за нас эти вещи придумывала [. . .]. А мы идем к ним, понимаем, что там люди некомпетентны, что это просто спускается на тормозах (Информант 2, Красноярск, 23 января 2024 г.).

Таким образом, социальные эффекты негативных изменений в окружающей среде способствуют политизации населения.

«Кто-то будет нам указывать, где и в чем ходить по нашему городу». Второй сценарий связан с экологизацией политической повестки в ситуации, когда существующее недовольство властью и проводимой политикой выплескивается через обсуждение экологических проблем. Подобный сценарий возможен в уже политизированной среде, где существует обсуждение и оспаривание действий властей и где оно начинает распространяться на обсуждение экологических про-

¹⁰ Пост 21 декабря 2024 г. в группе «Щит малой Родины», «ВКонтакте», <https://vk.com/club221007752>.

блем. Такие сценарии можно было наблюдать в Екатеринбурге, который демонстрировал наиболее низкий уровень лояльности региональным властям из рассмотренных кейсов и где население было недовольно решениями, принимаемыми губернатором-варягом (Белоусов и Давыдов 2023). Решение о строительстве храма в акватории Городского пруда, а затем в одном из излюбленных горожанами скверов вызвало недовольство жителей, причем не столько в связи с беспокойством о зеленых насаждениях, сколько из-за недовольства навязывания этого решения властями. Защита сквера самими жителями воспринималась в большей степени как возможность опротестовать решения властей, принятые без учета мнения екатеринбуржцев. Однако такой сценарий в российских регионах встречается не очень часто.

Кто-то будет нам указывать, где и в чем ходить по нашему городу. . . (фокус-группа, Екатеринбург, февраль 2024 г.).

Конечно, это скорее была защита от губернатора. Тюмонец понаехал какой-то к нам, дает указания, как нам тут жить. Ты вообще кто? Четыре года, пять лет в городе? С какого рожна ты это все нам тут навязываешь? Поэтому да, это была политизированная история (Информант 3, Екатеринбург, 9 февраля 2024 г.).

«Политика – это грязно и опасно». Третий (и наиболее распространенный) сценарий связан с сознательным дистанцированием эоактивистов от любых действий, которые могут быть маркированы как политические, то есть предполагающие публичную критику власти. Как правило, такой позиции придерживаются экологические группы или инициативы, занимающиеся проблемами раздельного сбора мусора, озеленением и уборкой территорий, тушением лесных пожаров, развитием «зеленого бизнеса», связанного с переработкой вторсырья. Для них характерно внимание как к локальным экологическим проблемам, так и к глобальной экологической повестке. Они декларируют сознательный отказ от политики и взаимодействия с представителями любых политических партий. Свою деятельность они сосредотачивают исключительно на экологическом волонтерстве и просвещении. Аполитичность в этом случае может являться результатом разочарования в политическом действии или рассматриваться как сознательная стратегия, позволяющая эффективнее решать поставленные задачи. В качестве обоснования выбранной стратегии активисты называют неверие в возможность повлиять на улучшение экологической ситуации через политику, опасность репрессий со стороны государства, стремление избежать манипулирования экологическими вопросами со стороны политических акторов. В таком случае взаимодействие с любыми политическими силами рассматривается как компрометирующая стратегия, это может очернить экологическое движение. Многие эоактивисты убеждены, что дистанцирование от политики увеличит шансы движения на успех. Отсутствие политически окрашенных лозунгов или отсылок к определенным политическим силам позволяет объединить большее количество граждан с разными политическими взглядами:

Это достаточно опасно сейчас. То есть это такая политизированная история. . . Как я, как обычные жители Красноярска могут повлиять на эту ситуацию вокруг? [. . .] Какие-то политические партии. Я против того, чтобы фамилии какие-то пиарились за наш счет. [. . .] То есть, если вы хотите помогать, вы можете помогать. Но без всяких логотипов (Информант 4, Красноярск, 23 января 2024 г.).

Но если приходят новые люди, они неохотно идут, потому что это партия. . . Не потому, что именно против этой партии, они не хотят просто, чтобы это было политика. Они хотят именно, чтобы это была просто общественная организация. . . То есть в этом смысле это дистанцирование от политики уже превратилось в патологию, оно в какой-то степени не позволяет скооперироваться и решить все эти проблемы (Информант 13, Чита, 2 февраля 2024 г.).

Таким образом, дистанцирование от политики, с одной стороны, позволяет эоактивистам привлечь большее количество людей для своих акций, с другой стороны, не позволяет им стремиться к каким-то институциональным изменениям в сфере защиты окружающей среды.

Другие два сценария связаны с квазиполитизацией экологической повестки, когда политические акторы пытаются использовать экологическую повестку для решения определенных политических задач.

«Где выборы, там и я со своим зеленым отрядом». Различные политические силы с разной степенью успешности пытаются использовать экологическую тематику в процессе конкурентной борьбы с политическими оппонентами, для повышения уровня лояльности населения, позиционирования политической партии во время предвыборной кампании. Так, по мнению ряда экспертов в Красноярском крае, экологические проблемы активно использовались политическими оппонентами губернатора Александра Усса, и этот фактор, в числе прочих, имел значение при принятии решения о его отставке¹¹. Участие в экологических акциях по благоустройству и озеленению территорий активно использовалось представителями партии «Единая Россия» и рассматривалось как возможность завоевать симпатии населения во время предвыборных кампаний последних лет, об этом было сказано так: «Где выборы, там и я со своим зеленым отрядом» (представитель местной экологической инициативы, фокус-группа, Красноярск, январь 2024 г.). В митингах против «черного неба» в Красноярске, в митингах в защиту сквера в Екатеринбурге, в акциях против вырубки деревьев в водоохранной зоне озера Байкал в Забайкальском крае активно участвовали различные политические партии. В то же время сами эоактивисты во всех случаях очень осторожно относились к участию политических акторов и не всегда соглашались на это даже в обмен на обещания каких-то ресурсов, выгод, исходящие от представителей политических партий.

¹¹ Руслан Руденко, «Чем запомнятся красноярцам 5 лет жизни под руководством губернатора Александра Усса», *NGS24.RU*, 21 апреля 2024 г., <https://ngs24.ru/text/politics/2023/04/21/72077342>.

«Защищать природу – защищать Родину». Четвертый сценарий связан с квазиполитизацией экологической повестки «сверху» через обращение к текущей государственной идеологии. Данный блок российского экологического движения опирается на идею «суверенной экологии», которая предполагает прежде всего защиту экологических интересов страны. Экологическая повестка увязывается с вопросами национальной безопасности, противостоянием западным ценностям и продвижению традиционных. Глобальная экологическая проблематика в таком контексте рассматривается как «локомотив для продвижения демократических правил, стандартов и либеральных ценностей» или «оружие для борьбы между государствами» (Грызлов 2022). Представления о суверенной экологии связываются с особым устройством русского общества и укреплением национальной идентичности через природоохранную деятельность. Это способствовало формированию в российских регионах сильного эколого-патриотического движения. Его отличительной особенностью стала тесная связь экологических акций с патриотическим воспитанием молодежи. Из рассмотренных случаев наиболее ярко такой сценарий проявился в Забайкалье. В качестве эколого-патриотических акций здесь выступают сдача вторсырья и помощь военным, участвующим в специальной военной операции (СВО) на вырученные от раздельного сбора средства; уборка, благоустройство и озеленение территорий, имеющих историческое значение (например военных мемориалов), проведение в школах занятий, объединяющих историческую и экологическую тематику. В этом случае происходит увязывание защиты окружающей среды с патриотическими или историческими нарративами:

Данное общественное пространство было не просто реконструировано, но и приобрело новые патриотические и исторические смыслы – теперь это одно из немногих памятных мест, приуроченных воинской славе и доблести моряков¹².

Я, когда провожу патриотические лекции, пытаюсь эту тему привязать к экологии. Любовь к окружающей природе, любовь к родине, любовь к соотечественникам. То есть мы не будем мусорить, будем сажать деревья, садить, будем элементарно разделять пластиковые бутылки, сдавать их на переработку. У нас будет чище. То есть у нас Родина будет в разы комфортнее (Информант 11, Чита, 27 июля 2024 г.).

Мы не выделили в отдельную категорию еще один возможный сценарий политизации экологической повестки, связанный с попытками сохранить природные территории в силу их значимости для экосистемы. Этот сценарий может быть связан с попытками инициировать какие-то институциональные изменения в региональной экологической политике. Однако такой сценарий крайне редко встречается в российских регионах и в большей степени характерен для людей, на про-

¹² Пост 28 мая 2024 г. в группе «Штаб общественной поддержки Забайкальского края», «ВКонтакте», https://vk.com/shtab_er_75.

фессиональном уровне вовлеченных в экологическую деятельность, а не для рядовых граждан.

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ (ДЕ)ПОЛИТИЗАЦИИ

На основе изученных случаев мы выделили несколько важных факторов и черт (де)политизации экологической повестки. Часть этих факторов и особенностей уже была описана ранее в литературе, часть стала следствием недавних изменений в российском обществе.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Экологические проблемы, вызывающие наибольший отклик населения, связаны с близкими и понятными вопросами, имеющими социальную значимость. Социальная направленность экологической повестки во многом объясняется недостаточно высоким уровнем жизни населения, для которого природа является одним из источников материального благополучия. Особенно это характерно для сельских мест, где люди живут за счет сбора дикоросов, охоты и рыболовства. Наиболее распространенные экологические инициативы в больших городах также были связаны с благоустройством среды проживания (сохранение скверов, зеленых насаждений, уборка мусора). При обсуждении экологических плакатов и требований участники фокус-групп во всех трех регионах отдавали предпочтение наиболее понятным и близким им лозунгам. Самый сильный отклик во всех регионах получал лозунг «За лес, за воду, за нашу природу!». Также популярностью у жителей пользовался лозунг «Спасая лес – спасаем Родину!». Лозунги, связанные с решением конкретных экологических проблем («Вместо моря и уюта – море нефти и мазута!», «Хотим дышать, а не задыхаться!», «Чистый воздух дороже нефти и денег!» и прочие), признавались актуальными в зависимости от соответствия местным экологическим проблемам. Лозунги, имеющие социальную ориентированность и связанные с социальными проблемами («Хватит травить детей!») и представлениями о социальной справедливости («Московские отходы на московские заводы!») также находили достаточную поддержку у населения. Лозунги с политическими требованиями «Требуем новую экологическую политику!», «Город умирает – власть глаза закрывает!», «Чистая область против грязного губернатора!» воспринимались по-разному. В более политизированных сообществах (Екатеринбург) они находили больший отклик, в менее политизированных (Чита и Красноярск) воспринимались скорее негативно. Такие глобалистские лозунги, как «Спасем нашу планету!» или «Земля касается каждого!», скорее воспринимались как повод для продвижения чьих-то политических интересов и не находили столь живого отклика, как приведенные выше.

В то же время привязка экологических тем к локальным интересам не всегда дает возможность жителям объединиться вокруг решения какой-то одной общей проблемы. Это является сдерживающим фактором политизации экологической повестки, он ограничивает коллективное действие:

Как таковой экологической повестки дня, глобальной на весь город и тем более на всю область – ее просто нет. То есть экология – это локальная вещь. [. . .] У нас, например, засилье крыс. В каждом дворе крысы. Но здесь наши крысы нашего двора, там крысы другого двора, там крысы другого двора. И чтобы люди объединились вокруг вот этой беды [. . .], то есть такого нет. У каждого свои собственные крысы, у каждого своя собственная проблема (Информант 5, Екатеринбург, 9 февраля 2024 г.).

ОТВЕТ ГОСУДАРСТВА НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ

Важным фактором, определяющим дальнейший сценарий политизации экологического движения, является реакция власти на экологическую мобилизацию населения. В случае протестной активности власти могут пойти на конструктивное обсуждение проблемы с жителями, игнорировать ее или ответить репрессивными мерами. Неготовность местной/региональной власти к диалогу с местными жителями может стать катализатором протеста:

Так вот, 95% всех жителей, которые есть, проголосовали против генерального плана, против. Но тем не менее власть тут же сказала, что, мол, ребята, ну это ваше мнение [. . .]. Но вы же знаете, что это носит рекомендательный характер. И поэтому, мол, да, вот вы не хотите, ну а мы так считаем (Информант 6, Сысертский район, 10 февраля 2024 г.).

Самый сильный резонанс среди населения имеет применение властями в ходе протестов силовых инструментов. Так, наибольшая мобилизация граждан в защиту сквера в Екатеринбурге в 2019 году произошла после применения властями силовых методов противостояния протестующим и прямого столкновения жителей с представителями силовых структур:

Вообще, когда начались драки – это отдельная история. Мне кажется, если бы они этого беспредела не начали творить, то столько людей бы не собралось на наши «обнимашки» [. . .], оно бы не произвело такой фурор и на федеральный уровень не вышло. . . Ну, оттого что наших бьют, получилось, что горожан бьют, больше людей пришло на следующий день (Информант 9, Екатеринбург, 5 февраля 2024 г.).

Однако ответ государства, связанный с широким применением не прямого насилия, а институционализированного (через уголовное преследование, такие меры, как увольнение с работы и тому подобные) выступает серьезным сдерживающим фактором участия жителей в каких-то протестных экологических акциях.

В случае с развитием позитивных экологических акций и инициатив (раздельный сбор и переработка, уборка и озеленение территорий) активисты рассчитывают на поддержку своих проектов государством. Эта поддержка может быть связана с предоставлением каких-то материальных ресурсов (для уборки территорий, озеленения и прочего), развитием необходимой инфраструктуры (например для раздельного сбора и переработки мусора), снижением бюрократических барьеров при организации каких-либо проектов: «За нами должен стоять атлант в

лице государства» (материалы фокус-группы, Красноярск, январь 2024 года). Однако на практике эта поддержка зачастую отсутствует, что снижает общественный энтузиазм. Невозможность добиться каких-то серьезных институциональных изменений в сфере экологии, используя разрешенный репертуар действий (экологические субботники, раздельный сбор мусора), также вызывает разочарование экологов и заставляет их задуматься об эффективности акций.

Мы не то, чтобы разочаровались. . . Мы не знаем, что мы можем еще тут делать. Продолжать с ребятами мусор убирать за людьми, которые в общем-то не хотят меняться. Здесь требуются какие-то политические решения на самом деле. . . Ну и потом, когда мы поняли, что не можем изменить кардинально что-то, мы сосредоточились на каких-то мелких всяких делах, типа книжки сдавать в библиотеку. Потому что это – что от нас зависит (Информант 12, Забайкальский край, 30 июля 2024 г.).

В то же время само государство настороженно относится не только к политизированным, но и деполитизированным активистам, опасаясь их способности мобилизовывать сограждан на какие-то коллективные действия, даже если они не имеют политической окраски:

Просто у нас очень настороженно к таким вещам относятся, потому что сегодня я там организовал 200 человек на уборку территории. А что у меня в голове – государству непонятно. Завтра эти 200 человек могут вместо этого что-то другое организовать. Поэтому государство держит нас все-таки на расстоянии. . . (Информант 8, Екатеринбург, 12 февраля 2024 г.).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Одним из эффектов политизации экологической повестки является изменение в распределении ответственности между разными уровнями власти. В большинстве случаев граждане склонны обвинять в экологических проблемах бизнес и региональные власти и возлагать при этом основные надежды по урегулированию проблем на федеральный центр. Одной из наиболее популярных стратегий решения той или иной экологической проблемы в регионе граждане называли обращения к президенту: «Надо найти маленькую девочку, чтобы она написала письмо Владимиру Путину» (материалы фокус-группы, Красноярск, январь 2024 года). Об этом свидетельствуют также и высказывания в соответствующей группе в социальной сети: «Путин ты с народом? Спаси Сысертский район!»¹³. В то же время постепенное разочарование в системе на локальном уровне и последующая политизация экоактивизма ведут к снижению доверия федеральному центру: «Я тоже, когда сквер мы защищали, делала видеообращение. Чтобы там [в Москве] посмотрели. Ну, это все не сработало. Сработало только, когда прибежало много народу» (Информант 10, Екатеринбург, 12 февраля 2024 г.).

¹³ Пост 12 февраля 2024 г. в группе «Щит малой Родины», «ВКонтакте», <https://vk.com/club221007752>.

Как показали результаты фокус-групп, в более политизированном контексте (например в Екатеринбурге) жители в меньшей степени готовы полагаться на федеральный центр и более равномерно распределяют ответственность между региональными и федеральными властями. В менее политизированном сообществе федеральный центр, как правило, выводится из зоны ответственности за актуальные экологические проблемы.

Отдельно важно сказать про осознание гражданами собственной роли в решении экологических проблем. Как показывают международные исследования, указание на личную ответственность за состояние окружающей среды коррелирует с готовностью включиться в какие-то акции, движения, протесты. Однако мы зафиксировали «зеркальный» эффект такого распределения ответственности в российских регионах. В некоторых случаях указание на личную ответственность граждан за состояние окружающей среды было связано с полной поддержкой власти и снятием с нее ответственности за экологические проблемы. При этом такая позиция не всегда предполагала реальную готовность населения к активным самостоятельным действиям по защите окружающей среды.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ОГРАНИЧИТЕЛЬ ИЛИ КАК ДЕТОНАТОР

Отдельного внимания заслуживает встраивание экологической проблематики в текущую консервативную повестку. В первую очередь это относится к увязыванию сохранения природы с поддержанием традиций, любовью к своей земле, мифологизацией определенных исторических периодов или событий. В последние годы многие экологические кампании и акции также успешно встраиваются в традиционалистский дискурс. В одних случаях это можно назвать сознательной стратегией активистов, пытающихся заручиться поддержкой государства и избежать репрессий за какие-то акции, связанные с оспариванием решений властей. Как правило, такое стратегическое обращение к традиционалистской повестке характерно для профессиональных эоактивистов, которые регулярно участвуют в защите природных территорий.

Мы проводили митинги в Екатеринбурге, привозили старообрядцев, людей из этих сел, там по 40 человек, проводили музыкально-поэтический марафон, чтобы меня не называли кем-то, раскачивающим корабль или лодку. Я приглашал казаков охранять митинг, исполнять народные песни (Информант 7, Екатеринбург, 12 февраля 2024 г.).

В других случаях это связано с рутинным воспроизводством жителями той повестки, которая транслируется государством. Например, защитники Горы Бессонова обращались к историческим событиям восстания Емельяна Пугачева, которое происходило в том числе и в обсуждаемых местах и также воспроизводили традиционалистский дискурс в своих обращениях к власти:

Размещение на горе Бессонова заведения, носящего развлекательный характер, культивирует западные ценности, разрушает «культурный суверенитет» страны, идет вразрез с обозначенной Вами позицией, ставит удовлетворение материальных и личных потребностей превыше исторической памяти страны,

а также нарушает право жителей Сысерти на формирование и сохранение собственной идентичности (из письма к Президенту)¹⁴.

Такое укоренение традиционалистского дискурса среди населения может вести к непредвиденным последствиям. Апелляция к традиции начинает использоваться не только для легитимации государственного курса, но и для оспаривания решений властей. Это происходит в ситуации, когда активисты обращаются к власти на ее языке, но не получают поддержки. Так, в ходе многих экологических конфликтов жители апеллируют к сохранению местных традиций и культуры, «защите родной земли от интервентов» (так может обозначаться бизнес). Игнорирование властями таких традиционалистских аргументов и прогосударственной риторики в некоторых случаях вызывает разочарование населения в транслируемых государством ценностях и представлениях. Тогда традиционалистская повестка может неожиданным образом сработать как социальный детонатор и увеличить уровень протестности местного сообщества. Так, в Сысертском районе местные жители, считавшие местные природные территории исторически значимыми местами и не получившие поддержку от властей в усилиях по сохранению этих мест, стали использовать более широкий репертуар политически окрашенных действий (одиночные пикеты, обращения и петиции в органы власти на разных уровнях, многократные требования референдума и прочее) и привлекать к ним все большее количество людей:

Я думаю, что в прошлые года именно на этих местах были праздники русские, что сейчас у нас все ушло уже, потому что сейчас там железные конструкции эти стоят. Не знаю, кому они нужны. И разрушение традиционности идет ради чего? Ради того, чтобы новые рабочие места, даже глупо (Информант 6, Сысертский район, 10 февраля 2024 г.).

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Еще один новый фактор вовлечения населения в защиту природных территорий связан с милитаризацией экологической повестки. Начало СВО способствовало обращению низовых активистов к военной риторике и распространению такого приема, как сопоставление защиты природных территорий с защитой страны. Важность экологической повестки начинает обосновываться важностью оборонительных задач: «Жители Сысертского района будут до победы в тылу, в период СВО, отстаивать русские земли!»; «Мы будем защищать нашу землю!»¹⁵. Аналогичные соображения были высказаны и в интервью:

во время Второй мировой войны, во время Сталинградской битвы, Сталин Иосиф Виссарионович учреждает зеленые пояса вокруг Свердловска как легкие

¹⁴ Пост 19 июля 2023 г. в группе «Сысерть – наш дом. Экология», «ВКонтакте», <https://vk.com/sysertnasdom>.

¹⁵ Пост 29 ноября 2023 г. в группе «Щит малой Родины», «ВКонтакте», <https://vk.com/club221007752>.

Свердловска, чтобы дышали инженеры и рабочие оборонных предприятий, укрепляя обороноспособность города, где куется металл и где куют металл Победы (Информант 7, Екатеринбург, 12 февраля 2024 г.).

В связи с этим новой общественно значимой силой, которая может повлиять на решения властей, в глазах многих жителей становятся участники СВО. К их поддержке апеллируют местные жители в ситуации экологических конфликтов. Кроме того, многие акции по уборке или озеленению территорий также связываются с памятными мероприятиями в честь военных, в том числе участников СВО.

Таким образом, основные черты экологической мобилизации населения отражают текущие социально-политические процессы, связанные с обращением жителей к «традиционным ценностям» и военно-патриотическим нарративам при обосновании своих прав на природные территории, а также декларированием отказа от политических действий.

ТИПЫ НИЗОВОГО ЭАКТИВИЗМА

Сценарии (де)политизации экологической повестки связаны с различными формами эоактивизма. Основываясь на особенностях политизации экологической повестки, можно выделить несколько основных типов низового экологического активизма, существующих в российских регионах в настоящее время: патриотическое экодвижение; прагматическое экодвижение; гражданское экодвижение и экологическое волонтерство.

Патриотическое движение отличает поддержка текущего политического курса и государственных решений. Для него характерно увязывание охраны окружающей среды с «традиционными ценностями», защитой своей страны, гордостью за нее. В этом случае природные пространства воспринимаются как связанные с теми или иными историческими событиями и смыслами. Репертуар действий включает проведение акций по уборке и озеленению природных территорий, патриотическому воспитанию, реконструкцию исторических событий и т. п. Это движение встроено в систему общественных организаций и движений, курируемых государством. Участники этого направления кооперируются с федеральными волонтерскими и патриотическими движениями, казачьими организациями, историческими клубами.

На другом полюсе находится гражданское экодвижение, связанное с оспариванием государственной политики и попытками добиться институциональных трансформаций. В данном случае активисты зачастую выходят за границы экологической проблематики и стремятся добиться изменений в государственной политике в более широкой сфере. Они используют классический репертуар гражданского активизма для воздействия на власть: петиции, жалобы, митинги, акции, мероприятия. Для них характерна высокая степень политизации и критического отношения к действиям властей на всех уровнях от местного до федерального. Зачастую они кооперируются с правозащитными общественными организациями, участвуют в выборах и политике.

Еще одно направление низового экологического активизма в российских регионах связано с экологическим волонтерством. В отличие от других течений, волонтеры аполитичны и сознательно дистанцируются от всех политических сил. Основой этого направления являются люди из среднего класса и молодежь, заинтересованные в экологической повестке и создании комфортабельной среды обитания. Они могут участвовать в решении местных экологических проблем (уборка и озеленение территорий, очистка водоемов) и/или ориентироваться на глобальную экологическую повестку (уменьшение антропогенного воздействия на экосистему). Основной репертуар их действий связан с акциями по уборке, очистке территорий и распространением экологически ориентированных практик (организация раздельного сбора мусора и его переработка). В некоторых случаях делаются попытки монетизации экологически ориентированных практик (развитие экотуризма или производства по переработке вторичного сырья).

Наконец, еще одним направлением низового экологического активизма является прагматическое экодвижение, связанное с решением локальной экологической проблемы. В качестве такой локальной проблемы может выступать строительство мусорного полигона рядом с населенным пунктом, загрязнение воздуха или водных источников. Такой эоактивизм социально окрашен и тесно связан с решением социальных проблем (неравномерное распределение природных ресурсов, забота о благополучии близких). В отличие от экологического волонтерства, работающего на регулярной основе, участники данного течения активизируются для решения какой-то конкретной острой проблемы. Как правило, участники таких движений не нацелены на политические изменения, апеллируют к властной риторике и традиционалистской повестке. Так, они обращаются к историческому значению, которое имеет их малая родина в масштабах страны, к необходимости защищать родную землю, доверяют федеральному центру, но оказываются разочарованы решениями местных/региональных властей. В то же время необходимость добиться решения значимой для них проблемы заставляет их включаться в публичные дискуссии с властью и прибегать к каким-то политическим действиям. Репертуар их действий включает использование как институционализированных механизмов (жалобы, петиции, обращения в органы власти, общественные слушания, инициирование референдумов), так и внеинституционализированные механизмы (протесты, флешмобы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании были проанализированы основные сценарии (де)политизации экологической повестки в трех российских регионах. Основным сценарием низовой политизации граждан является столкновение со значимой для них локальной экологической проблемой и отсутствие возможности решить ее через доступные политические институты. Ощущение социального неравенства в обществе еще больше подпитывает общественное недовольство и обостряет представления о социальной несправедливости в отношении использования природных ресурсов. Однако, как правило, участие граждан в экологических конфликтах свя-

зывается с оспариванием действий местных/региональных властей и не нацелено на серьезные институциональные изменения, поэтому в данном случае можно говорить об ограниченной политизации. В большинстве случаев низовые экоктивисты воспроизводят доминирующий государственный дискурс и стремятся добиться поддержки федерального центра в конфликте с местными и региональными властями. Примером может быть экологический конфликт в Сысертском районе Свердловской области в 2023–2025 годах.

Менее распространенный сценарий политизации заключается в экологизации первоначально политической повестки: ранее существующее политическое недовольство выражается через экологический протест. Это может происходить в уже достаточно политизированном сообществе, когда политическое недовольство начинает захватывать и сопредельные сферы. Протесты в защиту сквера в Екатеринбурге в 2017–2019 годах представляют собой именно такой случай.

Еще одна ситуация, когда также возможен подобный сценарий, – невозможность прямого политического протеста и обращение к экологической повестке как к единственному доступному способу показать власти свое несогласие с текущей государственной политикой. Обсуждения в фокус-группах и интервью с экоктивистами продемонстрировали, что наиболее распространенным сценарием поведения экоктивистов в российских регионах является дистанцирование от политики, вызванное разочарованием в ней и страхом возможного давления. Многие экоктивисты говорили о своем стремлении сосредоточиться исключительно на эковолонтерстве, не оспаривая решения государственных властей в сфере экологической политики.

Наконец, еще один сценарий связан с квазиполитизацией, то есть с использованием экологической повестки политическими акторами для получения лояльности со стороны населения, а также транслирования государственной повестки населению. Многочисленные субботники по уборке и озеленению территорий или эколого-патриотические акции, которые активно проводились представителями различных политических партий перед выборами и должны были объединить как текущую политическую повестку, так и решение экологических задач – примеры акций именно такого рода.

Ограничителями политизации сообщества выступают низкий уровень жизни, его разобщенность, государственный контроль над общественными инициативами, ориентация населения на государственный патернализм и неверие в собственные силы. Это препятствует организации коллективного действия и формированию альтернативной повестки. В такой среде особое значение имеет наличие лидера, способного организовать людей на какие-то коллективные действия. При отсутствии такового шансы на мобилизацию населения для решения любой проблемы невысоки.

Сценарии (де)политизации экоктивистов влияют на характер экоктивизма в российских регионах. В соответствии с особенностями (де)политизации экоктивистов можно выделить несколько основных типов экологического движения: патриотическое экодвижение; прагматическое экодвижение; гражданское экодвижение и экологическое волонтерство. Патриотический и гражданский экоктив-

визмы представляют два разных полюса. В первом случае – полная поддержка государственных органов власти, во втором – оспаривание государственных решений и формирование альтернативной экологической повестки. Между ними находятся прагматический эоактивизм и экологическое волонтерство. Участники этих течений могут различаться по степени лояльности политическому курсу и уровню политизации. Аполитичность зачастую оказывается связана не только с отсутствием интереса к политике, но и рассматривается как стратегия, позволяющая мобилизовать больше участников с различными политическими взглядами. Несмотря на то, что организация и проведение экологических мероприятий требуют взаимодействия с властями, участия в обсуждении и принятии каких-то совместных решений, это нельзя назвать политическим действием в чистом виде, поскольку такие действия не предполагают оспаривания и публичного обсуждения решений властей. Аполитичность для многих эоактивистов является осознанным выбором, вызванным предыдущим неудачным опытом участия в политических действиях, неверием в возможность что-то изменить и стремлением дистанцироваться от политики. В то же время прагматичные экологи скорее склонны к частичной политизации через оспаривание решений местных/региональных властей. Также мы можем говорить и о противоположных тенденциях, связанных с квазиполитизацией через транслирование государственной политической идеологии и встраивание эоактивистов в государственную систему.

Необходимо отметить и некоторые региональные различия. Несмотря на серьезность экологических проблем во всех трех рассмотренных регионах, формы экологической мобилизации в них различны. Свердловская область (Екатеринбург в частности) в большей степени демонстрирует склонность к протестной экологической мобилизации и ориентации на институциональные изменения в экологической политике. Это подтверждается как предыдущими исследованиями (Семенов и др. 2024), так и нашими полевыми данными. В Забайкальском крае экологические инициативы в большей мере курируются государством, здесь развивается патриотический эоактивизм, ориентированный на соединение экологической повестки с этатистской идеологией. Красноярский край представляет собой промежуточный кейс: здесь большое количество независимых экологических инициатив, имеющих аполитичный характер.

В целом выделенные сценарии и особенности процесса политизации экологической повестки соответствуют международным тенденциям развития эоактивизма и связаны с дистанцированием от политики или формированием местной прагматичной политики (Clément and Zhelnina 2020; Dunlap and Mertig [1992] 2014). Однако есть и специфические черты, характерные для процесса политизации российских эоактивистов. Они связаны с активной ролью государства по встраиванию экологической повестки в текущую политическую идеологию. Кроме того, сами граждане активно используют экологическую повестку как сферу, в которой можно реализовывать общественные интенции и добиваться решения значимых для них проблем. В настоящее время низовой эоактивизм в российских регионах остается одной из наиболее распространенных форм коллективного действия и быстро адаптируется к изменяющемуся социально-политическому контексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт, Ханна. (1958) 2017. *Vita activa, или О деятельной жизни*. М.: Ad Marginem.
- Белоусов, Александр и Дмитрий Давыдов. 2023. «Городские конфликты и трансформация локального политического режима в Екатеринбурге». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 3:130–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>.
- Гладарев, Борис. 2011. «Культура вместо политики: рождение Петербургской общественности из духа города». С. 440–457 в *Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии*, под ред. Марины Пугачевой и Виктора Вахштайна. М.: Новое литературное обозрение.
- Грызлов, Борис. 2022. «Об экологическом суверенитете России». *Единая Россия*, 21 января. <https://er.ru/activity/news/ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii-statya-borisa-gryzlova?ysclid=lpjxntggn8925426635>.
- Журавлев, Олег. 2015. «Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 гг.». С. 27–70 в *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов*, под ред. Светланы Ерпылевой и Артемия Магуна. М.: Новое литературное обозрение.
- Журавлев, Олег, Наталья Савельева и Светлана Ерпылева. 2014. «Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях». *Журнал исследований социальной политики* 12(2):185–200.
- Карл, Лидия. 2023. «Обследование жилых и общественных зданий города Баян-Ола Республики Бурятия на содержание радона». С. 27–29 в *Сборник материалов международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Ильинские чтения 2023»*. М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России.
- Семенов, Андрей, Ярослав Снарский и Татьяна Ткачева. 2024. «Темпоральная и кросс-региональная вариация в экологической протестной активности россиян (2007–2021)». *Социологические исследования* 2:62–74. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>.
- Ткачева, Татьяна, Ярослав Снарский и Андрей Семенов. 2024. «Зеленый кнут? Силовой фактор и неполитические протесты в российских регионах на примере экологической мобилизации». *Полития* 4(115):92–113. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-115-4-92-113>.
- Тулаева, Светлана и Анна Немировская. 2024. «“Хватит гадить нашу землю”: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах». *Журнал социологии и социальной антропологии* 27(1):216–246. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>.
- Туровец, Мария. 2015. «Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области». С. 351–385 в *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов*, под ред. Светланы Ерпылевой и Артемия Магуна. М.: Новое литературное обозрение.
- Усачева, Ольга. 2011. «Экологический активизм в постсоветской России и западном мире: сравнительный анализ». *Социологические исследования* 3:23–31.
- Халий, Ирина. 2008. «Экологическое общественное движение и власть: формы взаимодействия». *Полис. Политические исследования* 4(106):130–139.
- Шмитт, Карл. (1932) 2011. «Понятие политического». *Социология власти* 8:173–190.
- Щербак, Андрей, Никита Зубарев и Екатерина Семушкина. 2024. «“Зеленые” охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем». *Мир России* 33(1):84–114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114>.
- Яницкий, Олег. 2009. «Социальный капитал российского экологического движения». *Социологический журнал* 4:5–21.
- Bennett, Elizabeth, Gianpaolo Baiocchi, Alissa Cordner, Peter Klein, and Stephanie Savell. 2013. “Disavowing Politics: Civic Engagement in an Era of Political Skepticism.” *American Journal of Sociology* 119(2):518–548. <https://doi.org/10.1086/674006>.

- Clément, Karine, and Anna Zhelnina. 2020. "Introduction to the Special Issue: Imagining a Link Between Local Activism and Political Transformation: Inventions from Russia and Eastern Europe." *International Journal of Politics, Culture, and Society* 33(2):117–124. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9318-1>.
- Dawson, Jane. 1996. *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham, NC: Duke University Press.
- Doose, Katja. 2019. "Green Nationalism? The Transformation of Environmentalism in Soviet Armenia, 1969–1991." *Ab Imperio* 1:181–205. <https://doi.org/10.1353/imp.2019.0010.s>.
- Dunlap, Riley, and Angela Mertig. (1992) 2014. *American Environmentalism: The US Environmental Movement, 1970–1990*. London: Taylor & Francis.
- Eliasoph, Nina. 1997. "'Close to Home': The Work of Avoiding Politics." *Theory and Society* 26 (5):605–647.
- Erpyleva, Svetlana, and Eeva Luhtakallio. 2024. "'The Climate Is Changing and the President Is Not': 'Non-Political' Climate Activism in Russia." *Europe-Asia Studies* 76(6):891–908. <https://doi.org/10.1080/09668136.2024.2351572>.
- Gaynor, Niamh. 2011. "In-Active Citizenship and the Depoliticization of Community Development in Ireland." *Community Development Journal* 46(1):27–41. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsp038>.
- Graybill, Jessica. 2020. "Emotional Environments of Energy Extraction in Russia." Pp. 82–94 in *Environmental Governance in a Populist/Authoritarian Era*, edited by James McCarthy. London: Routledge.
- Henry, Laura. 2010. "Between Transnationalism and State Power: The Development of Russia's Post-Soviet Environmental Movement." *Environmental Politics* 19(5):756–781. <https://doi.org/10.1080/09644016.2010.508308>.
- Kuzmina, Yuliya. 2023. "'The Defenders of Shiyes': Traditionalism as a Mobilisation Resource in a Russian Protest Camp." *East European Politics* 39(2):260–280. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2092842>.
- Louis, Marieke, and Lucile Maertens. 2021. *Why International Organizations Hate Politics: Depoliticizing the World*. London: Taylor & Francis.
- Martus, Ellie. 2021. "Policymaking and Policy Framing: Russian Environmental Politics Under Putin." *Europe-Asia Studies* 73(5):869–889. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1865275>.
- Mitchell, Robert Cameron, Angela G. Mertig, and Riley E. Dunlap. 2014. "Twenty Years of Environmental Mobilization: Trends Among National Environmental Organizations." Pp. 11–26 in *American Environmentalism: The US Environmental Movement, 1970–1990*, edited by Riley E. Dunlap and Angela G. Mertig. New York: Taylor & Francis.
- Mohan, Glies, and Kristian Stokke. 2008. "The Politics of Localization: From Depoliticizing Development to Politicizing Democracy." Pp. 545–562 in *The SAGE Handbook of Political Geography*, edited by Kevin R. Cox, Murray Low, and Jennifer Robinson. London: Sage.
- Tilly, Charles, and Sidney Tarrow. 2015. *Contentious Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Wooden, Amanda. 2013. "Another Way of Saying Enough: Environmental Concern and Popular Mobilization in Kyrgyzstan." *Post-Soviet Affairs* 29(4):314–353.
- Yanitsky, Oleg. 2012. "From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960–2010." *Environmental Politics* 21(6):922–940. <https://doi.org/10.1080/09644016.2012.724216>.
- Zhuravlev, Oleg, Natalia Savelyeva, and Svetlana Erpyleva. 2020. "The Cultural Pragmatics of an Event: The Politicisation of Local Activism in Russia." *International Journal of Politics, Culture, and Society* 33(2):163–180. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9321-6>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список цитируемых интервью

Информант	Сфера деятельности/ статус	Регион	Дата
Информант 1	Местная жительница	Сысертский район, Свердловская область	13 февраля 2024 г.
Информант 2	Активистка	Красноярск, Красноярский край	23 января 2024 г.
Информант 3	Эксперт	Екатеринбург, Свердловская область	9 февраля 2024 г.
Информант 4	Руководитель экологического проекта	Красноярск, Красноярский край	23 января 2024 г.
Информант 5	Депутат	Екатеринбург, Свердловская область	9 февраля 2024 г.
Информант 6	Местная жительница	Сысертский район, Свердловская область	10 февраля 2024 г.
Информант 7	Экоактивист	Екатеринбург, Свердловская область	12 февраля 2024 г.
Информант 8	Руководитель экологического проекта	Екатеринбург, Свердловская область	12 февраля 2024 г.
Информант 9	Руководитель экологического проекта	Екатеринбург, Свердловская область	5 февраля 2024 г.
Информант 10	Руководитель экологического проекта	Екатеринбург, Свердловская область	12 февраля 2024 г.
Информант 11	Руководитель экологического проекта	Чита, Забайкальский край	27 июля 2024 г.
Информант 12	Руководитель экологического проекта	Красночикойский район, Забайкальский край	30 июля 2024 г.
Информант 13	Представитель политической партии	Чита, Забайкальский край	2 августа 2024 г.
Информант 14	Руководитель экологического проекта	Чита, Забайкальский край	25 июля 2024 г.

“FOR THE FOREST, FOR THE WATER, AND FOR OUR NATURE”: SCENARIOS AND FEATURES OF (DE)POLITICIZATION OF THE ENVIRONMENTAL AGENDA IN RUSSIAN REGIONS

Svetlana Tulaeva, Ekaterina Semushkina

Svetlana Tulaeva, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University, Saint Petersburg, Russia; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia. tulaeva-sa@ranepa.ru.

Ekaterina Semushkina, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University, Saint Petersburg, Russia. esemushkina@hse.ru.

This research was carried out with the support the Russian Scientific Foundation grant No. 23-18-00661, "Regional and Ethnic Identities as a Factor in Grassroots Politicization and the Formation of Ecological Culture: Cross-Regional Analysis of Value Attitudes and Behavioral Strategies."

The article discusses the peculiarities of politicization and depoliticization of environmental issues in Russian regions. We examine the most common patterns of public involvement in political actions related to environmental problems. The first scenario is the politicization of the environmental agenda through the citizens' encounter with an environmental problem that is significant to them and which they are trying to solve. As a rule, this problem has a local character and social implications. The second scenario is the greening of the political agenda, that is, letting out political discontent through the environmental sphere. As a rule, such a scenario is possible in an already politicized community. The third scenario is the depoliticization of the environmental agenda, associated with the stigmatization of political action and distancing from politics. Finally, the fourth scenario can be called quasi-politicization, since it is associated with the use of the environmental agenda by political actors to solve certain political tasks. Based on the degree of politicization of eco-activists, we identified several main types of grassroots eco-activism that exist in Russian regions: patriotic, pragmatic, civic eco-activism, and environmental volunteerism. We pay particular attention to the peculiarities and factors of politicization of eco-activists in Russian regions. The analysis is based on a qualitative study carried out in 2023–2024 in three Russian regions: Krasnoyarsk Krai, Zabaykalsky Krai, and Sverdlovsk Oblast. The main research methods were semistructured interviews and focus groups.

Keywords: Environmental Mobilization; Politicization of the Environmental Agenda; Russian Regions; Eco-Activism

REFERENCES

- Arendt, Hannah. (1958) 2017. *Vita activa, ili O deiatel'noi zhizni*. Moscow: Ad Marginem.
- Belousov, Alexander, and Dmitriy Davydov. 2023. "Gorodskie konflikty i transformatsiia lokal'nogo politicheskogo rezhima v Ekaterinburge." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 3:130–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>.
- Bennett, Elizabeth, Gianpaolo Baiocchi, Alissa Cordner, Peter Klein, and Stephanie Savell. 2013. "Disavowing Politics: Civic Engagement in an Era of Political Skepticism." *American Journal of Sociology* 119(2):518–548. <https://doi.org/10.1086/674006>.
- Clément, Karine, and Anna Zhelnina. 2020. "Introduction to the Special Issue: Imagining a Link Between Local Activism and Political Transformation: Inventions from Russia and Eastern Europe." *International Journal of Politics, Culture, and Society* 33(2):117–124. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9318-1>.
- Dawson, Jane. 1996. *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham, NC: Duke University Press.
- Doose, Katja. 2019. "Green Nationalism? The Transformation of Environmentalism in Soviet Armenia, 1969–1991." *Ab Imperio* 1:181–205. <https://doi.org/10.1353/imp.2019.0010.s>.
- Dunlap, Riley, and Angela Mertig. (1992) 2014. *American Environmentalism: The US Environmental Movement, 1970–1990*. London: Taylor & Francis.
- Eliasoph, Nina. 1997. "'Close to Home': The Work of Avoiding Politics." *Theory and Society* 26 (5):605–647.
- Erpyleva, Svetlana, and Eeva Luhtakallio. 2024. "'The Climate Is Changing and the President Is Not': 'Non-Political' Climate Activism in Russia." *Europe-Asia Studies* 76(6):891–908. <https://doi.org/10.1080/09668136.2024.2351572>.

- Gaynor, Niamh. 2011. "In-Active Citizenship and the Depoliticization of Community Development in Ireland." *Community Development Journal* 46(1):27–41. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsp038>.
- Gladarev, Boris. 2011. "Kul'tura vmesto politiki: Rozhdenie Peterburgskoi obshchestvennosti iz dukha goroda." Pp. 440–457 in *Puti Rossii: Budushchee kak kul'tura: Prognozy, reprezentatsii, stsennari*, edited by Marina Pugacheva and Victor Vakhshayn. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Graybill, Jessica. 2020. "Emotional Environments of Energy Extraction in Russia." Pp. 82–94 in *Environmental Governance in a Populist/Authoritarian Era*, edited by James McCarthy. London: Routledge.
- Gryzlov, Boris. 2022. "Ob ekologicheskom suverenitete Rossii." *Edinaia Rossiia*, January 21. <https://er.ru/activity/news/ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii-statya-borisa-gryzlova?ysclid=lpjxntggn8925426635>.
- Henry, Laura. 2010. "Between Transnationalism and State Power: The Development of Russia's Post-Soviet Environmental Movement." *Environmental Politics* 19(5):756–781. <https://doi.org/10.1080/09644016.2010.508308>.
- Karl, Lidia. 2023. "Obsledovanie zhilykh i obshchestvennykh zdaniy goroda Balei Zabaikal'skogo kraia na sodержanie radona." Pp. 27–29 in *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov "Il'inskie chteniia 2023."* Moscow: FGBU GNTs FMBTs im. A. I. Burnaziana FMBA Rossii.
- Khalii, Irina. 2008. "Ekologicheskoe obshchestvennoe dvizhenie i vlast': Formy vzaimodeistviia." *Polis: Politicheskie issledovaniia* 4(106):130–139.
- Kuzmina, Yuliya. 2023. "The Defenders of Shiyes': Traditionalism as a Mobilisation Resource in a Russian Protest Camp." *East European Politics* 39(2):260–280. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2092842>.
- Louis, Marieke, and Lucile Maertens. 2021. *Why International Organizations Hate Politics: Depoliticizing the World*. London: Taylor & Francis.
- Martus, Ellie. 2021. "Policymaking and Policy Framing: Russian Environmental Politics Under Putin." *Europe-Asia Studies* 73(5):869–889. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1865275>.
- Mitchell, Robert Cameron, Angela G. Mertig, and Riley E. Dunlap. 2014. "Twenty Years of Environmental Mobilization: Trends Among National Environmental Organizations." Pp. 11–26 in *American Environmentalism: The US Environmental Movement, 1970–1990*, edited by Riley E. Dunlap and Angela G. Mertig. New York: Taylor & Francis.
- Mohan, Glies, and Kristian Stokke. 2008. "The Politics of Localization: From Depoliticizing Development to Politicizing Democracy." Pp. 545–562 in *The SAGE Handbook of Political Geography*, edited by Kevin R. Cox, Murray Low, and Jennifer Robinson. London: Sage.
- Schmitt, Carl. (1932) 2011. "Poniatie politicheskogo." *Sotsiologiya vlasti* 8:173–190.
- Semenov, Andrei, Yaroslav Snarskii, and Tatiana Tkacheva. 2024. "Temporal'naia i kross-regional'naia variatsiia v ekologicheskoi protestnoi aktivnosti rossiian (2007–2021)." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 2:62–74. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010069>.
- Shcherbak, Andrey, Nikita Zubarev, and Ekaterina Semushkina. 2024. "'Zelenye' okhraniteli: Vzglady rossiiskikh konservatorov na reshenie ekologicheskikh problem." *Mir Rossii* 33(1):84–114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114>.
- Tilly, Charles, and Sidney Tarrow. 2015. *Contentious Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Tkacheva, Tatiana, Yaroslav Snarskii, and Andrei Semenov. 2024. "Zelenyi knut? Silovoi faktor i nepoliticheskie protesty v rossiiskikh regionakh na primere ekologicheskoi mobilizatsii." *Politiia* 4(115):92–113. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-115-4-92-113>.
- Tulaeva, Svetlana, and Anna Nemirovskaya. 2024. "'Khvatit gadit' nashu zemliu': Regional'naia identichnost' i ekologicheskaiia mobilizatsiia v rossiiskikh regionakh." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 27(1):216–246. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>.

- Turovets, Mariia. 2015. "Protivostoianie depolitizatsii: Dvizhenie protiv dobychi nikelia v Voronezhskoi oblasti." Pp. 351–385 in *Politika apolitichnykh: Grazhdanskie dvizheniia v Rossii 2011–2013 godov*, edited by Svetlana Erpyleva and Artemy Magun. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Usacheva, Ol'ga. 2011. "Ekologicheskii aktivizm v postsovetsskoi Rossii i zapadnom mire: Sravnitel'nyi analiz." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 3:23–31.
- Wooden, Amanda. 2013. "Another Way of Saying Enough: Environmental Concern and Popular Mobilization in Kyrgyzstan." *Post-Soviet Affairs* 29(4):314–353.
- Yanitsky, Oleg. 2009. "Sotsial'nyi kapital rossiiskogo ekologicheskogo dvizheniia." *Sotsiologicheskii zhurnal* 4:5–21.
- Yanitsky, Oleg. 2012. "From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960–2010." *Environmental Politics* 21(6):922–940. <https://doi.org/10.1080/09644016.2012.724216>.
- Zhuravlev, Oleg. 2015. "Inertsiiia postsovetsskoi depolitizatsii i politizatsiia 2011–2012 gg." Pp. 27–70 in *Politika apolitichnykh: Grazhdanskie dvizheniia v Rossii 2011–2013 godov*, edited by Svetlana Erpyleva and Artemy Magun. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Zhuravlev, Oleg, Natalia Savelyeva, and Svetlana Erpyleva. 2014. "Individualizm i solidarnost' v novykh rossiiskikh grazhdanskikh dvizheniakh." *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 12(2):185–200.
- Zhuravlev, Oleg, Natalia Savelyeva, and Svetlana Erpyleva. 2020. "The Cultural Pragmatics of an Event: The Politicisation of Local Activism in Russia." *International Journal of Politics, Culture, and Society* 33(2):163–180. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9321-6>.